

лежит, и требования, заявленные по его окончании, не подлежат удовлетворению». И.В. Шайдуров отмечает, что такой срок является пресекательным и требования истца, заявленные с пропуском названного срока, будут отклонены. Вместе с тем некоторые цивилисты придерживаются иной точки зрения. По мнению А.П. Черных, срок для защиты нарушенного преимущественного права следует отнести к сокращенным срокам исковой давности: «Если мы признаем указанный срок пресекательным и соответственно отсчет его ведем с момента нарушения права без возможности его приостановления и восстановления по уважительным причинам, то тем самым мы существенно ограничим возможности субъекта преимущественного права на защиту, открывая простые пути для обхода преимущественного права». Как срок исковой давности характеризуется и срок для защиты преимущественного права покупки акций в закрытых акционерных обществах.

По нашему мнению, для того чтобы решить данную проблему, необходимо прежде всего уяснить правовую сущность пресекательного срока и срока исковой давности, выявить их существенные различия. Заслуга углубленного исследования сроков в гражданском праве принадлежит видному советскому ученому В.П. Грибанову. Созданная им система сроков в гражданском праве включает в себя сроки осуществления и сроки защиты гражданских прав. Под первыми автор предлагает понимать сроки, в течение которых управомоченный субъект вправе или обязан сам реализовать принадлежащее ему право или потребовать совершения определенных действий по реализации своего права непосредственно от обязанного лица. К таким срокам В.П. Грибанов относил пресекательные сроки. В свою очередь, под сроками защиты гражданских прав ученый понимал сроки, предоставленные управомоченному лицу для обращения к компетентным органам за защитой своего нарушенного права (сроки исковой давности). По мнению Н.В. Зубаревой, пресекательные сроки устанавливаются законодателем при необходимости строго ограничить существование во времени субъективного материального права и обязанности в целях определенности и стабильности гражданского оборота.

Возникает вопрос: можно ли, исходя из вышеизложенного, характеризовать в качестве пресекательного срок, установленный для обращения в суд с требованием о переводе прав и обязанностей по договору, заключенному в обход преимущественного права? На наш взгляд, нельзя. Ведь такое обращение в компетентный орган – не средство осуществления, а средство защиты нарушенного права, а потому, полагаем, установленный законом срок для судебной защиты нарушенного преимущественного права в праве общей собственности необходимо и целесообразно оценивать как сокращенный срок исковой давности и применять к нему нормы гл. 12 ГК. На такой позиции стоит и белорусский законодатель, который в п. 3 постановления Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 2 декабря 2005 г. № 29 «О некоторых вопросах, связанных с применением сроков исковой давности» к специальным срокам исковой давности, в частности, относит требования о переводе прав и обязанностей покупателя при продаже доли в праве общей собственности с нарушением преимущественного права покупки в течение трех месяцев. В российской арбитражной практике такой срок также понимается как срок исковой давности. Так, в п. 14 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 29 апреля 2010 г. № 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» указано, что по смыслу п. 3 ст. 250 Гражданского кодекса Российской Федерации при продаже доли в праве общей собственности с нарушением преимущественного права покупки других участников долевой собственности любой участник долевой собственности имеет право в течение трех месяцев со дня, когда ему стало известно или должно было стать известно о совершении сделки, требовать в судебном порядке перевода на него прав и обязанностей покупателя. Как видно из вышеизложенного, белорусский и российский законодатель сходятся во мнении, что такой срок для защиты нарушенного права относится к срокам исковой давности и его течение должно начинаться с момента, когда лицо узнало или должно было узнать о таком нарушении. Безусловно, установление момента начала течения исследуемого нами срока принципиально важно, так как от этого зависят эффективность и своевременность правовой защиты лица, чье преимущественное право нарушено. В связи с этим не совсем понятно, почему ГК не закрепляет момент начала течения срока для защиты нарушенного преимущественного права покупки. Исходя из этого, по нашему мнению, необходимо изложить п. 3 ст. 253 ГК в следующей редакции:

«При продаже доли с нарушением преимущественного права покупки любой другой участник долевой собственности имеет право в течение трех месяцев с момента, когда он узнал или должен был узнать о таком нарушении, требовать в судебном порядке перевода на него прав и обязанностей покупателя».

Таким образом, можно сделать вывод о том, что срок для предъявления требований о переводе прав и обязанностей при нарушении преимущественного права покупки в праве общей собственности следует рассматривать как сокращенный срок исковой давности и применять к нему нормы гл. 12 ГК. Вместе с тем, полагаем, предложенное нами усовершенствование ст. 253 ГК является целесообразным и позволит не ущемлять права и законные интересы управомоченного лица, тем самым гарантируя ему право на законную защиту.

УДК 347.121.2

Д.А. Колбасин

НЕКОТОРЫЕ МЕРЫ, НАПРАВЛЕННЫЕ НА ЗАЩИТУ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ, И ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРИ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ

В жизни современного общества достоинство личности становится одним из основных проявлений подлинного демократизма государства, его правового характера. Человек, его права, свободы и действующие гарантии их реализации признаны высшей ценностью и целью общества и государства. В настоящее время вопрос о ценностных характеристиках человека

находится в центре внимания отечественной правовой науки. Базируясь на своей приоритетности, современная правовая наука в процессе построения правового государства, для которого главной целью является человек, не может не обращать внимания на права и свободы человека, обеспечение реальных гарантий их осуществления.

Одной из важных вех в этом направлении является защита персональных данных. Механизм обеспечения надежной защиты прав граждан отражен в Конституции Республики Беларусь, Гражданском кодексе Республики Беларусь, международных правовых актах, литературных источниках и исследованиях, проводимых в этом направлении.

Так, согласно ст. 28 Конституции Республики Беларусь каждый имеет право на защиту от незаконного вмешательства в его частную жизнь, в том числе от посягательства на тайну его корреспонденции, телефонных и иных сообщений, на его честь и достоинство. Данное установочное положение также следует и из ст. 12 Всеобщей декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г., которой предусмотрено, что никто не может подвергаться произвольному вмешательству в его личную и семейную жизнь, произвольным посягательствам на неприкосновенность его жилища, тайну его корреспонденции или на его честь и репутацию.

Непосредственным правовым регулятором защиты персональных данных является Закон Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-З «О защите персональных данных» (далее – Закон), в котором одним из важнейших является термин «персональные данные», что и предопределяет важность их защиты. Закон указывает, что это может быть любая информация, отражающая содержательную часть персональных данных, при этом Закон называет конкретного носителя данной информации, а именно идентифицированное физическое лицо или физическое лицо, которое может быть идентифицировано. Речь идет о фамилии, имени, отчестве, дате рождения, идентификационном номере, месте жительства, работы, номере телефона и некоторых других персональных данных, с помощью которых можно идентифицировать человека. В словаре русского языка С.И. Ожегова «персональный» означает «касающийся только одного человека», т. е. применительно к Закону – это сбор персональных данных в отношении конкретного человека.

Возвращаясь к вышеизложенному, нельзя не отметить, что положения, связанные с обеспечением защиты персональных данных, нашли довольно широкое отражение как в действующем национальном законодательстве, правовой литературе, так и в международных нормах права.

Вместе с тем динамичность происходящих процессов настоятельно указывает на необходимость реформирования существующих институтов права и возникновения новых, что в полной мере отвечало бы вызовам и потребностям сегодняшнего дня. В частности, ведя речь об угрозе дискредитации персональных данных, следует отметить, что персональные данные неразрывно связаны с информационной безопасностью. Это определяется наличием ряда факторов, рассмотренных в литературных источниках и обсуждаемых в средствах массовой информации. Необходимость обеспечения информационной безопасности продиктована внедрением современных технологий, создающих угрозу утечки персональных данных. Следовательно, необходимо активно и оперативно совершенствовать и использовать информационно-коммуникационные технологии, блокирующие доступ к информационным угрозам, направленным на дискредитацию личности. В этой связи возникает необходимость в актуализации и гармонизации норм права в этом направлении.

Изучение механизма обеспечения защиты персональных данных не может не базироваться на структуризации сведений, идентифицирующих человека, и их правовом регулировании. В этом плане, в частности, представляет интерес такое идентифицирующее человека сведение, как его изображение. Видео-, фотокадры можно получить в различных условиях, например: в ходе проведения митингов, собраний, различного рода шествий, а иногда – просто проходящих по улице лиц. Не являются исключением изображения конкретных физических лиц в периодической печати, на рекламных щитах. Иногда лицо подвергается негативному воздействию со стороны других граждан (например, недружественных по отношению к нему), а подготовленные ими фото-, видеокadres выкладываются для всеобщего обозрения посредством использования разного рода технологий, в том числе и сети Интернет. Часто хорошо воспроизведенное в фотоателье изображение физического лица определяется как образец и выставляется на видном месте в качестве рекламы для всеобщего обозрения без его согласия. Использование индивидуального внешнего образа без согласия физического лица не только противоречит правовым установкам, но может нанести и моральный ущерб.

В связи с тем, что правовая охрана собственного изображения недостаточно четко регламентирована, а в настоящее время с помощью цифровых технологий физические лица все чаще могут быть подвергнуты негативному воздействию, на наш взгляд, следует согласиться с теми предложениями, которые представлены в литературных источниках. Это, в частности, касается целесообразности закрепления нормы, запрещающей использование изображения физического лица без его согласия, а в целом – и возможности подготовки самостоятельного нормативного правового акта о защите права на собственное изображение.

Ведя речь о некоторых уточнениях, с которыми следовало бы определиться в законодательстве по данной проблематике, нельзя не отметить, что всеобщего запрета на собственное изображение физического лица не существует. Так, не требуется согласия лица, если использование его изображения осуществляется в государственных или иных публичных интересах, на собраниях, съездах, конференциях, концертах, представлениях, спортивных соревнованиях и других подобных мероприятиях. Однако и при проведении указанных мероприятий делается оговорка о том, что исключаются случаи, когда такое изображение является основным объектом использования. Не требуется согласия гражданина и тогда, когда он позировал за плату.

Рассматривая некоторые случаи использования собственного изображения физического лица, когда наряду с правовым исходом при разбирательстве необходимо обратить внимание и на возникающие вопросы, касающиеся его нравственных

страданий, должна иметь место компенсация морального вреда. Что касается компенсации морального вреда, в литературных источниках, научных изданиях встречается достаточно много наработок по этой теме. Много в них и конкретных предложений. Полагаем необходимым, чтобы они стали достоянием правовых установок, в том числе и вопросов, рассматриваемых по данной проблематике.

Учитывая перспективу развития общественных отношений, неукоснительно отвечающих требованиям защиты прав и интересов человека, следует полагать, что судьбоносность сведений, идентифицирующих физическое лицо, будет постоянно находиться в фокусе правовых установок.

УДК 349.2

М.В. Короткина

ОХРАНА ТРУДА ГРАЖДАН, НАПРАВЛЕННЫХ В ЛЕЧЕБНО-ТРУДОВЫЕ ПРОФИЛАКТОРИИ

Согласно ст. 41 Конституции Республики Беларусь гражданам Республики Беларусь гарантируется право на труд как наиболее достойный способ самоутверждения человека, т. е. право на выбор профессии, рода занятий и работы в соответствии с призванием, способностями, образованием, профессиональной подготовкой и с учетом общественных потребностей, а также на здоровые и безопасные условия труда.

Конституционное право на здоровые и безопасные условия труда получило свое отражение и в Трудовом кодексе Республики Беларусь (ТК). Охрана здоровья работника – обязанность нанимателя, данное положение закреплено ст. 55 ТК. Реализация этой обязанности состоит в соблюдении установленных нормативными правовыми актами требований по охране труда, обеспечении на каждом рабочем месте надлежащих условий труда, принятии необходимых мер по обеспечению сохранения жизни, здоровья и работоспособности работников в процессе трудовой деятельности.

Вопрос обеспечения охраны труда актуален и для граждан, направленных по решению суда в лечебно-трудовые профилактории (ЛТП), поскольку в соответствии с Законом Республики Беларусь от 4 января 2010 г. № 104-З «О порядке и условиях направления граждан в лечебно-трудовые профилактории и условиях нахождения в них» все без исключения граждане, находящиеся в ЛТП, с учетом их возраста, трудоспособности, состояния здоровья, специальности и квалификации привлекаются к труду, а отказ граждан, находящихся в ЛТП, от трудоустройства или самовольное прекращение работы влекут применение к ним предусмотренных законодательством мер взыскания.

Ежегодно в учреждениях уголовно-исполнительной системы (УИС), в том числе в ЛТП, регистрируются случаи производственного травматизма, некоторые из них – с тяжелыми последствиями.

Анализ произошедшего в учреждениях УИС и ЛТП производственного травматизма показал, что несчастные случаи на производстве происходят в результате воздействия предметов (сырья, заготовок и иных предметов), воздействия движущихся и вращающихся частей станочного оборудования и инструмента, падения потерпевших с высоты собственного роста, падения потерпевших с высоты, нанесения травмы другими лицами, термического воздействия и др.

В свою очередь, основными причинами травматизма явились: личная неосторожность потерпевших, выполнение потерпевшими не порученной им работы, отвлечение от выполняемой работы, неприменение потерпевшими средств индивидуальной защиты (очки, обувь), неудовлетворительная организация рабочего места, нарушение потерпевшими отдельных требований по охране труда (нахождение на небезопасном расстоянии от работающего оборудования, устранение неполадок и уборка оборудования при включенном двигателе, эксплуатация оборудования со снятыми защитными ограждениями вращающихся частей) и др.

Следует отметить, что на граждан, направленных в ЛТП, распространяются правила охраны труда и техники безопасности, установленные законодательством Республики Беларусь о труде. В целях обеспечения соблюдения требований охраны труда в каждом подразделении УИС штатом предусмотрены должности инженеров (специалистов) по охране труда, основной задачей которых является деятельность по планированию, организации, контролю и совершенствованию управления охраной труда. Департаментом исполнения наказаний Министерства внутренних дел Республики Беларусь постоянно разрабатываются планы по обеспечению безопасности производственной деятельности, однако, по нашему мнению, организация охраны труда граждан, направленных в ЛТП, требует дальнейшего совершенствования.

Правилами внутреннего распорядка лечебно-трудовых профилакториев, утвержденными постановлением Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 25 марта 2021 г. № 86, предусмотрена обязанность граждан добросовестно относиться к труду и учебе. Под добросовестным отношением к труду следует понимать общепринятые правила поведения, такие как выполнение норм выработки, качества выполняемой работы, соблюдение графика работы и т. д. Иначе говоря, под недобросовестным отношением к труду можно понимать систематическое ненадлежащее выполнение гражданами трудовых обязанностей. Следовательно, гражданин, направленный в ЛТП, может добросовестно относиться к труду, выполняя установленные нормы выработки, качества продукции и услуг, соблюдения технологической дисциплины, но при этом допускать нарушения требований охраны труда.

В связи с этим полагаем необходимым дополнить п. 29 Правил внутреннего распорядка лечебно-трудовых профилакториев подпунктом, закрепляющим обязанность граждан «соблюдать установленные требования по охране труда». Соответственно, нарушение данных требований может повлечь за собой применение к гражданам установленных законодательством мер взыскания.